

ДЖЕЙН ЛИ

ПРОНИКАЮЩИЙ В СНЫ

Джейн Ли

Проникающий в сны

«Издательские решения»

Ли Д.

Проникающий в сны / Д. Ли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744966-7

Иногда чтобы проснуться, нужно умереть. Или убить. Виктор — замкнутый реставратор книг, испытывающий чувство вины за гибель родителей и исчезновение брата. А еще он умеет проникать в чужие сны. Но молодому человеку в тягость этот дар. И всё же, когда его брат-близнец Анри появляется на миг и вновь возвращается к своему похитителю, именно способность творить сны дает Виктору шанс во всем разобраться. Сможет ли Виктор защитить близких от того, кто убивает во сне и подчиняет себе наяву?

ISBN 978-5-44-744966-7

© Ли Д.

© Издательские решения

Содержание

I. Виктор.	6
II. Виктор.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Проникающий в сны

Джейн Ли

Хочу сказать спасибо:

Ольге – единственной, кому было не всё равно;

Ае и Татьяне – моим первым читателям;

Динаре – за то, что была рядом;

Ивану – за помощь с финалом.

А еще мои благодарности:

бета-ридеру Арье Рэй за ценные замечания

и издательской системе Ридеро – за возможность публикации.

**Джейн Ли,
16.02.2016**

Дизайнер обложки Татьяна Калинкина

© Джейн Ли, 2018

© Татьяна Калинкина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-4966-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Виктор. Сон или жизнь

Должно быть, я единственный человек на свете, для которого звонок будильника – звук приятный и желанный. Глас реальности. Зов жизни. Однажды он не прозвучал – батарейки «сели». И я проспал почти трое суток, очнувшись лишь от удара по щеке. Я открыл глаза и увидел над собой взволнованное лицо Джеффри, моего крёстного:

– Извини. Я звал тебя и тряс – не помогало. Так что, пришлось...

– Который час? – я сонно огляделся: за окном было сумрачно.

– Уже семь. Семь часов вечера.

– Вечера?! – я сел в кровати.

– Я звонил тебе несколько раз. Но ты не отвечал, – Джеффри обеспокоенно смотрел на меня.

– Странно, я не слышал звонка.

– Ничего странного: твой телефон лежит внизу, в мастерской. Так что, ты не зря отдал мне запасные ключи, – крестный осторожно присел рядом.

– Да уж, – я рассеянно моргал, пытаюсь сбросить остатки сна.

– Как ты? – Джеффри пытался прочесть ответ на моем лице. И, похоже, увиденное его не радовало.

– В порядке. Дай мне пару минут.

Голова кружилась. Во рту пересохло. И другие естественные потребности тоже напомнили о себе.

– Прости, Джеффри, я сейчас.

Но встав с кровати и сделав шаг, я пошатнулся – ноги едва держали.

Джеффри закинул мою руку себе на плечи и, придерживая меня, сказал:

– Пойдём. Я помогу.

Доковыляв так до туалета, я буркнул:

– Дальше я сам, – и уединился за дверью. А когда вышел – Джеффри ждал со стаканом воды:

– Держи.

Я почти залпом осушил стакан – и почувствовал себя лучше.

– Или ты болен, или... – его карие глаза внимательно смотрели на меня.

– Или что?

– Когда ты последний раз ел и пил?

– Вечером накануне. Я устал и лёг спать почти сразу после того, как ты ушёл.

– Я ушёл? Это было во вторник, – Джеффри потрясенно развел руками.

– Да. А сегодня...

– Вечер пятницы!

Я рассеянно заморгал:

– Не может быть.

– Но это так. Пойдём, я приготовлю тебе что-нибудь поесть, – Джеффри чуть улыбнулся и положил руку мне на плечо. В его голосе было столько мягкой заботы, что я почувствовал себя признательным и виноватым. И улыбнулся в ответ:

– Спасибо. Только умоюсь сначала.

– А ноги как, держат?

Я сделал шаг-другой по направлению к ванной:

– Вполне.

Крёстный кивнул и отправился на кухню.

Я плеснул в лицо воды. Вот как, значит – проспал три дня и не заметил. А если бы Джеффри не разбудил меня? Конечно, это маловероятно – или он, или Оливер обязательно бы устроили розыски, куда я пропал. Но всё же? Я так и спал бы – пока не умер от истощения?

Я ненавидел сны и при этом не хотел просыпаться. Во снах я был царь и бог. Я мог сотворить себе любой мир; вернуть тех, кто ушел. Создавать иллюзии. Но они разбивались, едва я просыпался и возвращался в реальность. Всё такой же одинокий и беспомощный. Я мог найти любовь во сне, быть счастливым. Но единственная возможность продлить это счастье – не просыпаться. Спать вечно. Что значило умереть. Но умереть счастливым.

Была и другая причина. Стоило мне расслабиться и перестать контролировать видения – в мой мир вторгались сны других людей. Все их нелепые или кошмарные образы. Я не хотел видеть чужие кошмары – мне хватало своих. И я смотрел эти сны словно зритель, не желая вмешиваться. Но когда кошмары видят дети... Я не мог оставить их один на один с ужасом и болью. Утешал и успокаивал, как мог. И создавал для них маленькое чудо. Хотя бы во сне.

Взрослые должны сами справляться со своими кошмарами. Хотя и в таких случаях я редко оставался равнодушным. И потому ненавидел сны. Я считал этот проклятый дар причиной гибели нашей семьи.

И всё же, умирать мне не хотелось – хотя бы потому, что я знал: двух близких мне людей это бы очень расстроило. Один из них ждал меня на кухне и, судя по запаху, жарил тосты с сыром. Я машинально взглянул в зеркало: оттуда встревоженными тёмными глазами на меня смотрел кто-то лохматый и бледный. Наверное, это я. Утёршись полотенцем и пригладив волосы рукой, я вышел из ванной.

– Выглядишь уже лучше, – Джеффри, полуобернувшись от плиты, улыбнулся мне и помахал лопаточкой, – Делаю тебе омлет с гренками и сыром, если ты не против.

– Совсем не против, – я улыбнулся в ответ, – но не знал, что ты умеешь готовить.

Непривычно было видеть крёстного, джентльмена и аристократа, в фартуке и со сковородкой в руках – хотя держал он её вполне уверенно.

Джеффри рассмеялся:

– Не особо умею, на самом деле. Но надеюсь, что получится съедобно.

Я хмыкнул:

– Готов съесть в любом случае – просто умираю от голода.

– Кстати... о голоде... и прочем, – Джеффри положил омлет на тарелку и поставил передо мной, – Ты не собирался просыпаться? – он смотрел на меня чуть исподлобья, снова пытаясь читать по моему лицу.

– Конечно, собирался! – хотя я не был в этом так уверен, – Наверное, что-то случилось с будильником.

Крёстный молча смотрел на меня.

– Джеффри... я... у меня и в мыслях нет умирать. Да и спать вечно тоже – я ненавижу сны! Я их ненавижу, – закусив губу, я уставился на тарелку с едой, пытаясь успокоиться.

Я ненавидел сны за то, что обречён скитаться по ним. Но просыпаться не всегда хотел: иногда жизнь казалась мне еще более кошмарным сном.

Почувствовав руку Джеффри на своём плече, я поднял глаза.

– Прости. Я беспокоюсь за тебя, ты знаешь, – крёстный смотрел на меня так... как отец смотрел когда-то. Когда просил быть осторожным.

– Я знаю. И обещаю проверять будильник прежде чем ложиться спать. Я даже два буду ставить – если хочешь.

Джеффри улыбнулся:

- Я могу звонить тебе и будить.
- Если тебе делать больше нечего...
- Так мне было бы спокойней.
- Я буду рад. Я всегда рад слышать тебя, – и это было правдой.
- Надо же. Я ещё не надоел? – Джеффри рассмеялся.

Я фыркнул:

- И не надоешь.
- Надеюсь, – Джеффри мягко улыбнулся. Но во взгляде его всё еще сквозило беспокойство и сомнение. И потому я со всей убедительностью сказал:

– Всё хорошо, Джеффри. Всё просто отлично.

Он хотел ещё что-то сказать, но промолчал. Сел рядом за стол и, кивнув в сторону тарелки, произнёс:

– Лучше съешь, пока инеем не покрылось. Поговорить и потом можно.

Я кивнул и принялся за еду. Было на удивление вкусно. Я смотрел на Джеффри: на его идеально уложенные каштановые волосы, на его костюм – простой, добротный, но сшитый на заказ, на его артистически выразительные руки. И думал: как часто ему приходилось готовить самому и зачем бы ему это делать – ведь есть личный повар. Казалось, я неплохо знаю крёстного. Но так ли это на самом деле? Правда, мне было известно то, что Джеффри скрывал ото всех. Я узнал случайно и во сне, и от того чувствовал себя виновным – словно подсматривал. Да так оно и было. И я не признался Джеффри – ведь тогда... неловко стало бы не только мне.

Лишь когда я справился с омлетом, крёстный заговорил снова:

– Мне не нравится, что ты живёшь совсем один. Я понимаю – ты уже давно взрослый и мужчине нужна независимость; понимаю, что ты не хочешь больше жить в монастыре у Оливера, но... как насчет Ланкастер Холла?

– Я не хочу тебя стеснять, – хотя на самом деле мне не хотелось быть настолько под присмотром, пусть даже таким неназойливым, как присутствие крестного.

– Меня стеснять? – Джеффри поднял бровь, – Ты, и правда, думаешь, что можешь стеснить меня в моём особняке? Даже если бы ты женился и заимел кучу детей – и тогда хватило бы места всем!

И, вздохнув, добавил:

– Я был бы только рад, Виктор. Правда. Ты ушёл из монастыря, но всё равно живёшь как монах – сидишь целыми днями среди книг, клея, красок и прочего!

– Но я – переплётчик, реставратор. Это моё ремесло. И оно мне нравится, – я пожал плечами, – В любом случае, ничего другого я не умею.

– Я не об этом. Думаю, ты знаешь, – Джеффри взглянул на меня с укором.

Да, я знал. Мне было уютно в моём мирке среди книг. Они не лгут, не лицемерят, не убивают. И никогда не бросят. А ещё они не видят снов. Люди были лишены всех этих достоинств.

Крёстный молча ждал моего ответа и не отводил взгляда. Не потому, что ему нравилось поучать и воспитывать – совсем нет; и делал он это крайне редко. Он любил меня. И потому беспокоился.

– Джеффри... – я заерзал, подбирая нужные слова, – Просто... дайте мне время. Научиться жить самостоятельно и вне монастырских стен.

Джеффри медленно кивнул:

– Только не уходи в себя, пожалуйста. Если захочешь поговорить или ещё что – можешь звонить и приезжать в любое время суток.

Я попытался отшутиться:

– А если ты будешь не один?

Джеффри улыбнулся:

– Для тебя я всегда свободен.

Когда крёстный ушёл, стало невыносимо тихо. За окном по-прежнему шумел город, но он не заглушал отсутствия человеческих голосов. Может быть, и правда, стоило поехать с Джефффри? Я знал, что не в тягость ему, но ведь это так по-детски – бегать за старшими. И ему, и Оливеру уже давно пора перестать нянчиться со мной. Мне двадцать пять, я уже четыре года живу один и вполне себя обеспечиваю. Но на самом деле, я был благодарен им за эту заботу – я нуждался в семье не меньше, чем оба моих опекуна. В силу разных обстоятельств, каждый из нас остался один на свете, и друг для друга мы были единственными близкими людьми.

Квартирка, в которой я жил, была на втором этаже старого здания – прямо над моей мастерской. И то, и другое я арендовал – Джефффри отговорил меня приобретать недвижимость, пока я не решу точно, где хочу жить и, возможно, не обзаведусь семьёй. От родителей мне остались небольшие сбережения, которые крёстный сохранил для меня и преумножил. Он же, по моей просьбе, продал коттедж, где жила наша семья. После того, что случилось... я не мог и не хотел туда возвращаться. Так что, Джефффри нашёл мне это жильё. С тех пор я старался как можно реже беспокоить крёстного и обрести хоть какую-то независимость и самостоятельность. Джефффри это понимал и не вмешивался. Разве что присылал клиентов из числа своих друзей.

Кстати о клиентах... Я проспал три дня, а ведь на мне два заказа. Тем более, что последний был от очередного знакомого Джефффри, и подвести крёстного я не мог. Ничего, раз уж возомнил себя спящим красавцем, могу и ночью поработать.

Я спустился в мастерскую, взял нужную книгу и принялся ее осматривать. Она была в хорошем состоянии – нужно лишь подклеить несколько страниц и обновить переплет.

Погрузившись в работу, я забыл об одиночестве: запах старой бумаги, клея и красок дарил умиротворение. И под утро я всё же заснул.

Я почувствовал липкое прикосновение к своим губам, попытался их разомкнуть и не смог – рот был заклеен клейкой лентой. В этот же миг меня сдёрнули с кровати. Их было двое – здоровых крепких мужчин, и один из них тащил меня прочь из комнаты. Отпустите меня! Немедленно!! Я крутился и брыкался.

– Тише, парень. А то придётся тебя успокоить

Вниз по лестнице – из детской на первый этаж. На встречу выбежала мама. Мама! Мама!!! Она пыталась отобрать меня у громил. Один из них оттолкнул её. Не смейте! Не троньте ее! Мама упала, соскользнула вниз по лестнице. Ударилась головой о стену. Меня пронесли мимо. Я вертелся, изо всех сил стараясь освободиться или хотя бы увидеть маму. Мне удалось. Она лежала неподвижно, голова повёрнута, и с губ стекала струйка крови. Мама! МАМА!!!

Я проснулся от своего крика. Сел в постели, всё ещё не понимая – что это, что это было?! Это не мой сон. Он не мог быть моим. Я не создавал его! Я не хотел видеть этого!!! И... я не видел тогда. Меня даже не было дома – тем утром я сидел с отцом на берегу реки... И видел я его смерть, а не матери. Значит ли это... о, Боже... я видел сон Анри?! И если так – то он жив!!! И где-то поблизости?! Как бы я хотел, чтобы так оно и было. Но если это сновидение моего брата, если Анри вошёл в мой сон... почему он не заговорил со мной?! Наверное, это был тот редкий случай, когда мы оба именно спали – а не создавали сны. И я видел кошмар Анри. Но что мне делать теперь?! Тринадцать лет назад полиция искала его. И даже частные детективы, которых нанял Джефффри. Так что могу сделать я, спустя столько лет? Я даже не знаю... как он выглядит теперь.

Я вскочил и достал из шкафа альбом с фотографиями. Вот они – последние семейные снимки: отец обнимает маму, и оба смеются; я стою рядом и стараюсь выглядеть взрослым и независимым. А Анри выглядывает из-за мамы, прижавшись к ней. Мой брат-близнец. Но мы такие разные! Анри был похож на маленького ангелочка: каштановые кудри и нежные черты лица. И только близкие знали, что он – скорее чертёнок, чем ангел. Я же был спокойным ребёнком с самой обычной внешностью. Но мы неплохо ладили с братом: он почти всегда слушался меня, как старшего – я родился раньше на двадцать минут. И, на самом деле, некоторые его розыгрыши придумывал я. Мне нравилось выдумывать, а Анри – действовать. И сновидение у нас нередко было одно на двоих. Вместе мы забирались в чужие сны. Проклятый дар, доставшийся нам от отца. Но тогда мы об этом не знали – для нас это была всего лишь игра.

Тем утром, тринадцать лет назад, отец рано разбудил меня и позвал с собой на рыбалку. Мне очень хотелось спать, но я тут же вскочил, стараясь прогнать сон: накануне вечером мы повздорили, но раз отец берёт меня с собой – значит, уже не сердится. Или хочет поговорить. Анри крепко спал на соседней кровати, и, как всегда, одеяло почти сползло на пол – я укрыл брата, чтобы не замерз, быстро оделся и вышел во двор.

Дом наш стоял почти на самом берегу реки. Отец не был заядлым рыболовом. Но время от времени, как он сам говорил, ощущал потребность «помедитировать с удочкой в руках». Иногда он брал с собой меня. И почти никогда – Анри: мой брат был слишком непоседлив.

Мы уже сидели на берегу, закинув удочки, когда отец заговорил:

– Я знаю, ты разозлился на меня вчера. Но я всего лишь беспокоюсь за вас с Анри.

– Но ведь мы не сделали ничего такого, – закусив губу, я смотрел на отца, пытаюсь понять, сердится ли он сам. Вчера он был очень сердит.

Дело в том, что мы с Анри устроили отличный кошмар нашему учителю физкультуры. И он его заслужил, потому что издевался над моим братом. Хотя Анри любил бегать и плавать, но любые другие физические упражнения и виды спорта он ненавидел и игнорировал. Для него были пыткой все эти прыжки в длину и высоту, лазание по канату, футбол, баскетбол и прочее. Я тоже не любил, но как-то осиливал – так что, изводить меня у физрука особого повода не было. А вот Анри доставалось: учитель выставлял его на посмешище перед всем классом. Если бы это делал кто-то из одноклассников, мы с братом просто побиили его. Или еще как проучили. Пусть мы и не были крепышами, за себя постоять могли. Но как быть с учителем?

Вот мы и добрались до него единственным способом, которым могли. И как раз обсуждали «удачно проведенную операцию», довольные собой – когда нас невольно подслушал отец. Он был очень зол. Сказал, что мы поступили ужасно и подло, и чтобы никогда больше не делали ничего подобного. Мы не могли понять, почему. Ведь мы всего лишь отомстили обидчику. Я, конечно, задумался над этим – ведь отец не станет говорить просто так. Анри фыркнул и надулся. И потом сказал мне, что отцу легко говорить – не его же унижали – и вообще плевать на его, Анри, страдания. Он был очень обижен. И, честно говоря, я понимал его. Если бы отец тогда, как следует, всё объяснил...

Я надеялся, что он сделает это сейчас – для того и позвал с собой на реку.

Отец, нахмурившись, смотрел на меня:

– Ты не понимаешь. Это может быть опасно. Если кто-то узнает о ваших способностях, он захочет использовать вас. И не всегда для хороших целей.

Я фыркнул:

– Да как это можно использовать? Это всего лишь сны.

– Позже ты поймёшь, – отец старался выглядеть спокойным, но я чувствовал его тревогу.

– Я лишь хочу, чтобы ты пообещал мне, Виктор: если что-то случится... что-то нехорошее – ты пойдёшь к отцу Оливеру и всё ему расскажешь. Он поможет тебе – я абсолютно ему доверяю.

Все еще не понимая, что происходит, я молча смотрел на отца.

Он взял меня за руку:

– Обещаешь?

Я кивнул. Оливер был школьным другом отца и настоятелем монастыря Святого Франциска. Он нравился мне, хотя казался «неправильным священником»: жилистый и молчаливый, он больше был похож на рыбака или плотника чем на служителя Церкви.

Вдруг отец вздрогнул – словно что-то почувствовал. Мгновение он сидел, прислушиваясь. Потом вскочил на ноги:

– Жди меня здесь, Виктор, – и уже бежал к дому.

Я растерянно смотрел ему вслед. Потом отложил свою удочку, поднялся и тихонько пошел за отцом.

А он уже взбегал на заднее крыльцо. Навстречу ему вышел мужчина в спецовке и кепке, скрывающей глаза. Никогда прежде я не видел его, и он мне совсем не нравился. Отец и незнакомец замерли, увидев друг друга. Мужчина что-то резко спросил. Отец, приблизившись, ответил. Незнакомец отпихнул его так, что отец упал, и выхватил пистолет.

– Нет! – я вскрикнул и сам испугался своего голоса.

Мужчина тут же обернулся и сделал шаг в мою сторону.

– Виктор, беги! – отец вскочил и бросился на незнакомца. Завязалась драка.

– БЕГИ!!!

Я всё ещё стоял, замерев.

Выстрел.

Отец остался лежать, а незнакомец поднялся и направился ко мне. Я смотрел на него и не мог шевельнуться. А потом побежал – сам не зная, куда. По мостику перебрался на другой берег. Ближайшие дома пригорода были в другой стороне, но назад пути не было – там меня ждал убийца. Я бежал, куда глаза глядят, лишь бы подальше. Отец... Мама... она ведь там! И Анри!

Я остановился на миг – перевести дыхание. Обернулся. Прислушался. Кажется, погони уже не было. Но возвращаться страшно. Точно! У дороги есть телефонная будка. Я вызову полицию. Теперь я знал, что делать – цель придавала мне сил.

К счастью, будка была на месте. Я влетел в неё и набрал номер.

«Полицейское отделение округа N, слушаю вас».

Задышавшись, я прокричал в трубку:

– В моего отца стреляли! Он ранен... Там ещё мама! Анри! ... Адрес... Уотер лейн, дом десять

«Кто Вы? Назовите себя».

Но в это мгновение я увидел бегущего со стороны реки человека.

Это ОН!

Я выскочил из будки и бросился бежать. На моё счастье, на дороге показался городской автобус. Я запрыгнул внутрь, двери закрылись, и автобус успел набрать скорость прежде, чем убийца нагнал его.

Я выдохнул и, нащарив в карманах мелочь, заплатил за билет. Сердце билось где-то в горле. Мама. Анри. Они ведь остались там. Незнакомец вышел из дома. Это значит... Нет, я не хотел и не мог думать, что с ними что-то случилось. Но что я мог сделать? Только позвать на помощь. Если бы я не убежал, кто бы позвонил в полицию? Отец... неужели... он убил его?

«Если что-то случится, обратись к отцу Оливеру». Да, так я и сделаю. А что ещё я могу? В голове было пусто. Я изо всех сил старался не паниковать. И не разреветься.

Так, закусив губу и сжав кулаки, я доехал до другой окраины города, к монастырю Святого Франциска. Меня впустили, когда я назвал имя отца-настоятеля, и оставили ждать

во дворе. Через пару минут я увидел шагнувшего ко мне Оливера. Подойдя, он на мгновение замер, вглядываясь в моё лицо:

– Что случилось, Виктор?

И тут я не выдержал – бросился к нему и уткнулся лицом в его грудь.

– В отца... стреляли. А я убежал, – я старался не плакать и говорить внятно, но не мог, – Мама, Анри... я не знаю, что с ними... Он гнался за мной... Я вызвал полицию... Приехал сюда. Отец сказал прийти к Вам.

Я чуть отстранился и посмотрел ему в лицо: Оливер пытался сохранять спокойствие, но видно было, как он встревожен.

– Пойдём, – взяв за руку, он проводил меня в свою келью, – Подожди меня здесь. Я всё узнаю.

И ушёл. Оставив меня ждать.

Минуты текли как часы. Мне принесли поесть. И как-то незаметно я съел всё, что было на подносе.

Прошла вечность, прежде чем Оливер, наконец, вернулся. И потому, как старательно он пытался выглядеть спокойным, я понял, что никаких хороших новостей он не принёс. Положив ладони мне на плечи и глядя в глаза, он рассказал, что смог узнать: родители погибли, а брат исчез. Его ищут. Возможно, ему удалось сбежать. Я стоял в оцепенении и не понимал, что происходит. Это какой-то дурной сон. Да, наверное, я сплю. Я помотал головой и ущипнул себя. Больно. Не сон? Я в отчаянии взглянул на Оливера. Похоже, он так же отчаянно смотрел на меня, не зная, что делать:

– Если хочешь поплакать, или еще что...

Да, мне хотелось – кричать и плакать. Но я не мог. Не мог. Потому судорожно вцепился в его сутану и уткнулся лицом так, словно хотел пройти сквозь него. Мгновение спустя я почувствовал, как он гладит меня по голове чуть дрожащей рукой. Несколько минут мы так и стояли, молча. Потом Оливер произнёс:

– Никто не знает, что ты здесь, у меня – кроме одного офицера полиции, моего знакомого. Так хотел твой отец.

Я кивнул. Едва понимал, что он говорит. Решил, что подумаю об этом позже. И просто доверился ему.

Днём к нам заехал тот самый офицер, и я рассказал всё, что видел. Оливер сидел рядом: его рука чуть касалась моей – только так я смог успокоиться и хоть как-то собраться с мыслями. Он казался мне тем единственным, что осталось от моей жизни, на что я мог опереться.

Я остался в монастыре – как предполагалось, для моей безопасности. Я не возражал. Близких родственников у меня не было, так что Оливер и Джеффри стали моими опекунами. Они были друзьями отца со старшей школы. Но чем больше я их узнавал, тем меньше понимал, как они вообще могли дружить: мой отец, способный ввязаться в авантюру ради науки; Джеффри, неверящий ни во что; и Оливер, ищущий Бога в своей душе и в мире вокруг. Два моих опекуна и вовсе казались мне противоположностью друг другу. И часто спорили о том, что лучше для меня. К счастью, в этих спорах рождался компромисс, и наше трио продолжало мирно сосуществовать.

Год я провёл в монастыре безвылазно. Потом меня стали тайно вывозить на машине Джеффри в его имение, где я мог хоть немного размяться и читать книги из огромной библиотеки крёстного. Ещё где-то через год эти вылазки стали открытыми. Сначала Джеффри и Оливер сами учили меня всему, что знали. Потом крёстный нанял для меня учителей, так что к семнадцати годам я знал ничуть не меньше своих сверстников-выпускников школ и легко

сдал экзамены. Я отучился в колледже на реставратора книг, хотя большую часть этого искусства я узнал ещё в монастыре, и открыл маленькую мастерскую.

Теперь я жил один. И поначалу наслаждался одиночеством и независимостью. Мог вставать и ложиться спать когда угодно – мой рабочий график это позволял. Мог сидеть в своей квартирке или бродить по улицам. Меня вполне устраивала моя жизнь.

Но я скучал по моей семье: по отцу и маме, по брату. И ни на миг не забывал о том, что с ними случилось. Что убийцы моих родителей не найдены. Как и мой брат. Что я один остался жив и здоров. А они погибли. И я ничем им не помог. Да, я вызвал полицию, дал показания, но... это же не спасло их!

Я не понимал, почему это произошло с нами. Иногда мне казалось, что это всего лишь дурной сон. И стоит лишь проснуться... Но этого я как раз не мог. И продолжал существовать между сном и явью.

Я пытался найти брата во снах. Ведь если он жив, то видит сны. И мы должны встретиться там рано или поздно. Засыпая, я каждый раз надеялся. И каждый раз терял надежду, просыпаясь. Это была еще одна причина любить и ненавидеть мир сновидений. Но чтобы я не думал о своем даре – я не мог от него избавиться. И вынужден был с ним жить. Иногда это было легко и даже приятно. Иногда.

Я редко применял свои способности для личной выгоды. Еще лишь раз я использовал их, чтобы проучить обидчика.

В нашем монастыре был один человек, который меня невзлюбил – брат Бенджамен. Мне тогда было лет четырнадцать. А ему – где-то за тридцать. Он считал меня любимчиком отца-настоятеля. И потому при всякой возможности делал мне каверзы: проливал ведро с грязной водой, когда я уже заканчивал мыть пол, или топал по нему в грязных сапогах; подсыпал соли в еду, когда была моя очередь готовить – чтобы обвинить, что я всё испортил; ставил подножки, когда я тащил что-то тяжелое или хрупкое. И так далее и тому подобное. Причем делал он это тогда, когда кроме меня и него никто не мог заметить. Так что, пожаловаться я бы не смог, даже если б захотел. И снова я решил воспользоваться тем способом, что был мне доступен: создал ему кошмар. На следующий день на нем лица не было: брат Бенджамен был тих и молчалив. Ему было не до того, чтобы делать мне гадости. Стоило ему прийти в себя и косо на меня посмотреть, как я повторил ему «ночное шоу» – для закрепления урока.

К сожалению, Бенджамен поделился с кем-то своими кошмарами. И слух дошел до Оливера. Он быстро связал одно с другим, и пришел ко мне. Нет, он не кричал и даже не ругался. Но впервые в его взгляде я прочел, что ему хочется меня вздуть. Конечно, Оливер этого не сделал. Он никогда не поднимал на меня руки. Лишь сказал, что это низко и подло – нападать на человека, когда тот не может тебе ответить. Это всё равно, что ударить в спину и убежать. Что выяснять отношения нужно, стоя лицом к лицу противника. Так будет честно. После чего Оливер развернулся и вышел из моей кельи. И больше не поднимал эту тему. Но по виду его я понял, что он очень разочарован во мне. А потому лучше бы он шумел и кричал. И даже ударил. Я сам пошел к нему поговорить и обещал, что никогда больше ничего подобного не сделаю. Оливер улыбнулся, кивнул и сказал, что верит мне.

Когда я поделился этим с Джеффри, крестный задумался. А потом, чуть усмехнувшись, заявил:

– Иногда мне кажется, что нас с Оливером перепутали при рождении. Потому что он – больший джентльмен, чем я. Я бы поступил так же, как ты.

Но когда я несколько облегченно вздохнул, Джеффри добавил:

– Боюсь, это значит, что мы с тобой неправы.

Так или иначе, но я держал слово, данное Оливеру. И не создавал никому кошмаров.

И вот теперь я видел кошмар Анри. Другого объяснения у меня не было. Анри жив! Но свободен ли? Меня пугала мысль о том, что жизнь его может быть хуже смерти. Что за люди напали на нас? Те, о которых предупреждал отец? Но откуда они знали о нашей семье? Отец хотел, чтобы Оливер нас спрятал. Значит, он должен был знать хоть что-то. Может быть, Оливер не всё мне рассказал? Нужно поговорить с ним.

Раздался телефонный звонок. Я взял трубку:

– Алло.

«Ты уже не спишь? Надеюсь, утро доброе?» – мягкий, заботливый голос Джеффри.

– Нет, не сплю, – я немного помедлил, раздумывая, рассказать ли Джеффри про сон, и решил, что сделаю это позже, – Я в порядке. Как ты сам?

«Как всегда – лучше не бывает. Я просто звоню узнать, как ты».

– У меня всё хорошо. Думаю, заеду к тебе на днях.

«Отлично! Буду ждать», – я даже по телефону чувствовал его улыбку.

Почему я не сказал ему? Не хочу, чтобы он волновался прежде времени. Он ведь сразу же придет и устроит мне допрос с пристрастием.

Когда я добрался до монастыря, утренняя служба уже закончилась, и прихожане покидали храм. Я привычно взглянул на высокий шпиль, стремящийся к небу. Мне всегда хотелось взлететь вместе с ним. Но старые стены из красного кирпича цепко держали нас обоих. Интересно, что Оливер бы сказал на это? Наверное, что крепко стоять ногами на земле – не всегда так уж плохо.

Я не жалел, что не стал священником или монахом, но любил возвращаться сюда. И не только для того, чтобы навестить Оливера. Мои отношения с окружающим миром не очень удались, а в этих стенах покой возвращался в мою душу.

Я решил подождать на скамейке, пока Оливер не выйдет из храма. Но один из монахов заметил меня и пошёл сообщить ему. Вскоре появился и он сам, нашёл меня взглядом и поспешил ко мне, как всегда серьёзный и обеспокоенный. Я встал и поклонился, как обязывали правила.

– Что-то случилось, Виктор?

– Ничего страшного. Но мне нужно поговорить с тобой. Если ты не очень занят.

– Для тебя я найду минутку. И, конечно, – он чуть улыбнулся, – я очень рад тебя видеть.

Если бы дело было в моей мастерской или в поместье Джеффри, Оливер позволил бы себе более дружеское приветствие. Но здесь, на виду у братии и послушников, он должен был вести себя, как предписано уставом. Мы уселись на скамейку.

– Я видел сон Анри.

Выражение лица Оливера мгновенно изменилось: дружеское внимание превратилось во встревоженность:

– Ты уверен?

– Я... я видел смерть матери. Его глазами, – так сложно было произнести это.

Оливер коснулся рукой моего плеча.

– Ничего, я в порядке, – мне и самому хотелось в это верить.

– Но, значит... – Оливер не решался продолжить.

И я сделал это за него:

– Анри жив? Да, я почти никогда не сомневался в этом.

– Но что-то ещё ты видел, во сне? – Оливер смотрел на меня так, словно пытался прочесть увиденное мной по моему лицу.

Я покачал головой:

– Только это. Но как бы я смог увидеть те события глазами Анри – если бы его не было в живых, если это – не его сон? Он должен быть жив и где-то поблизости.

– Хорошо, если так. Но что мы можем сделать? Дать объявление о розыске?

– А если он не свободен? Не вспугнём ли мы его похитителя? Да и... как он выглядит теперь – столько лет прошло. Но нужно что-то делать. Пожалуйста, вспомни всё, что произошло тогда. Может быть, мы что-то упустили.

Оливер нахмурился и некоторое время молчал.

– Как-то твой отец пришёл навестить меня, и он явно нервничал. Что-то беспокоило его. Сначала он не хотел говорить, но потом рассказал, что познакомился с одним человеком. И человек этот очень заинтересован в его способностях – предложил ему совместное дело, или что-то вроде. Поль отказался. Мне он не назвал ни имени, ни каких-то подробностей. Сказал только, что не хочет втягивать меня, что парень этот ему не нравится, но продолжает его настойчиво уговаривать. А незадолго до нападения на вашу семью Поль просил меня спрятать вас, если с ним что-нибудь случится. И никому ни о чём не рассказывать. Я пытался его спросить – но он категорически отказался говорить и просто ушёл.

– Вот и мне он ничего не сказал. Но почему он просил тебя спрятать нас? Почему не обратился в полицию?

Оливер пожал плечами:

– Возможно, у него не было улик против этого человека. Или тот чем-то пригрозил ему.

– Или же не доверял полиции. Но тебе-то он доверял! Почему же больше ничего не сказал?

– Должно быть, не хотел ставить меня под удар. Или считал, что я не смогу его понять, – Оливер виновато опустил глаза, – Твой отец входил в какую-то группу при своём университете – по изучению парапсихических возможностей человека. И мне это не нравилось. Ты знаешь, как я отношусь к таким вещам. Я отговаривал его. Но он хотел понять, как работает его способность проникать в чужие сны и как её можно использовать – во благо науки. Позже он сам разочаровался в этих исследованиях. Или в людях, с которыми работал. Он уже подумывал, чтобы уйти из группы. И, как я понял, именно там он познакомился с этим человеком. Да, теперь я вспомнил – именно профессор, руководивший этой группой, их и познакомил.

– Значит, университет – единственная наша зацепка. Я поеду туда и постараюсь найти кого-то, кто знал отца и работал с ним. Может быть, они расскажут мне что-нибудь ещё.

– Полиция допрашивала тогда его коллег.

– Да, но я – не полиция. Вдруг мне больше расскажут.

– Виктор... пожалуйста, будь осторожен, – Оливер нахмурился и прикусил губу, как всегда, когда волновался, – Может быть, ты поедешь с Джеффри?

Улыбнувшись, я покачал головой:

– Боюсь, тогда я привлеку больше внимания, чем нужно.

Оливер не сдержался и улыбнулся в ответ:

– Боюсь, что так. И всё же, расскажи ему. И, конечно, сообщай мне обо всём. Пожалуйста. Я кивнул и поднялся со скамьи.

– Может быть, мне поехать с тобой? – его черные глаза тревожно смотрели на меня.

Я невольно улыбнулся:

– Боюсь, твоя сутана будет заметна не менее, чем обаяние Джеффри.

Он пожал плечами:

– Я мог бы в штатском...

– Оливер. Не волнуйся. Я уже взрослый. И обещаю, что буду разумным и осторожным.

– Тебе есть в кого быть другим, – Оливер улыбнулся, но улыбка его была грустной.

В университет я попал на удивление легко. Найдя в записной книжке отца телефон его коллеги – доктора Джейкоба Марли – я позвонил и договорился о встрече.

Доктор – невысокий и уже лысеющий мужчина средних лет, в очках – встретил меня у ворот университета с пропуском на моё имя:

– Виктор, – он похлопал меня по плечу, – последний раз я видел тебя ещё крохой. Да... какая трагедия. До сих пор не могу понять, как это всё произошло. Ведь так и не нашли ни убийц, ни твоего брата? – он сочувственно смотрел на меня.

Я покачал головой.

– Ужасно. Но чем я могу тебе помочь?

– Я хотел бы побывать на рабочем месте отца, поговорить с кем-то, кто помнит его. Вы случайно не знаете профессора, который руководил группой парапсихических исследований?

Доктор как-то странно посмотрел на меня:

– А что ты об этом знаешь?

– Да ничего, к сожалению.

Некоторое время доктор Марли размышлял, а потом произнёс:

– Я, конечно, могу отвести тебя к профессору Эшби – он всё ещё работает здесь – но... боюсь, ты мало чего от него добьёшься.

– Почему?

– М-м... трудно объяснить. Увидишь сам.

Нам пришлось пересечь почти весь университетский городок – профессор Эшби работал в самом дальнем корпусе. По дороге я с любопытством разглядывал alma mater отца – старинные здания красного кирпича, окружённые столь же старыми раскидистыми деревьями; студентов и преподавателей в пиджаках с университетской эмблемой. В моём колледже всё было проще и современнее.

Наконец мы вошли в нужную дверь и поднялись по лестнице на четвёртый, последний, этаж, который занимало отделение психотерапии. Доктор Марли перекинулся парой слов с сидевшей за стойкой дежурной сестрой. Я лишь кивал и улыбался; так что, наверное, она и мне поставила какой-нибудь диагноз. Но пройти разрешила, и мы двинулись в сторону кабинета профессора Эшби.

Марли постучал. За дверью было тихо. Мы переглянулись. Доктор постучал ещё раз, громче – и лишь теперь из кабинета послышалось: «Да-да?» Марли приоткрыл дверь и заглянул:

– Добрый вечер, профессор. Можно нам войти?

– Вам, доктор, можно. А кто с Вами?

– О, это сын одного из наших профессоров, – произнёс Марли, распахивая дверь и представляя меня. За столом сидел плотный пожилой мужчина с густой седой шевелюрой, глядя на меня с настороженным вниманием.

– Здравствуйте, профессор Эшби, – я вежливо улыбнулся, стараясь выглядеть как можно безобиднее. Видимо, мне это удалось – так как профессор, улыбнувшись, вышел из-за своего стола мне навстречу:

– Добрый вечер, молодой человек. Как Вас зовут? И что привело Вас ко мне?

– Моё имя – Виктор Легран. Кажется, Вы когда-то работали с моим отцом, Полем Леграном.

Мне показалось, что профессор на мгновение оцепенел, и взгляд его стал стеклянным. Потом он часто заморгал и улыбнулся странной улыбкой – словно нарисованной неумелым художником:

– Да-да, такой милый был человек. Но я плохо знал его, да. Нет, мы не работали вместе. Но он иногда заходил, интересовался моими работами. Да-да, приятный был человек, – он замолчал, улыбаясь и глядя на нас рассеянным взглядом.

– Над чем Вы работали? Кто ещё приходил к Вам, профессор? – я задавал вопросы, уже не особо надеясь получить хоть какой-то ответ.

– Да-да, хорошее было время. Столько работы... Сейчас всё иначе, – профессор покачал головой.

Марли тронул меня за рукав и тихо сказал:

– Пойдём. Толку не будет.

– И так – каждый раз, когда кто-то пытается расспрашивать его о тех событиях, о твоём отце, – Джейкоб Марли покачал головой. Мы стояли на улице у дверей корпуса.

– И ведь знаешь, он вполне здоров, Эшби – если не касаться этой темы. И нельзя заставить его пройти терапию, чтобы понять, что же стало с его психикой, памятью – почему он ведёт себя так. Так что, боюсь, Виктор, я больше ничем тебе не могу помочь.

– Но, может быть, кто-то ещё знает, помнит те события? Кто-то из группы профессора?

– Я лишь помню, что группа тогда и распалась. Или даже чуть раньше. Полиция всех допрашивала. Но никто не смог рассказать ничего толкового.

– И с тех пор никто больше не интересовался ни моим отцом, ни профессором?

Марли задумчиво нахмурился.

– А знаешь, ведь не так давно меня расспрашивал о работах Эшби ещё один человек.

– Да? – я замер в ожидании.

– Да, точно. Молодая девушка. Тоже интересовалась его парапсихическими исследованиями и очень расстроилась, что никто не смог ей ничего рассказать. Погоди, она оставила свой телефон – на случай, если кто-то что-нибудь вспомнит, – Марли сунул руку во внутренний карман пиджака, достал записную книжку и, полистав, протянул мне, – Вот. Жасмин Гримвуд.

– Можно, я перепишу себе?

– Да, пожалуйста.

– А она не сказала, кто она и зачем ей это?

– Кажется, студентка или аспирантка, и пишет работу по теме.

Распрощавшись с Марли, я тут же позвонил по указанному номеру:

– Мисс Гримвуд?

«Да», – голос в трубке был тихим и настороженным.

– Мне ваш номер дал доктор Марли из Шеридан колледжа. Меня зовут Виктор Легран. И если вы не против, я хотел бы встретиться и поговорить про исследования профессора Эшби.

«Да? Вам что-нибудь известно о них?»

– Не так много, как хотелось бы. Но вдруг мы дополним знания друг друга?

«Хорошо бы. Где и когда?»

– Где вам удобно? И так скоро, как Вы можете.

Несколько мгновений она молчала.

«Через пару часов в кафе „Локко Мокка“ на Фонтанной площади – годится?»

– Да, вполне. Как я вас узнаю?

«Опишите себя».

– Высокий, волосы тёмно-каштановые, глаза карие, в сером свитере и синих джинсах.

«Хорошо. Просто позвоните по этому номеру, когда будете на месте».

– Хорошо.

«Тогда до встречи», – она положила трубку.

Вежливая и общительная девушка, ничего не скажешь. И скрытная. Но, если подумать, я для неё – всего лишь непонятный незнакомец. Так с чего бы ей проявлять особую открытость и доброжелательность.

Времени было более чем достаточно, чтобы добраться до места. Но не так много, чтобы успеть заняться другими делами. Потому я решил просто отправиться в это кафе и пообедать. Заодно изучить местность, так сказать.

Кафе оказалось довольно уютным и недорогим, заполненным болтающими парочками, компаниями студентов и молодыми людьми постарше, вроде меня. Глядя на них и прислушиваясь к разговорам, я показался себе одиноким неудачником. Джеффри прав: сижу один как монах среди бумаги и клея, погружённый во сны, прошлое и сожаления. Мне нужно общаться с кем-то ещё, кроме моих опекунов и клиентов.

Я стал разглядывать посетителей в поисках кого-то, хоть сколько похожего на меня. В противоположном углу сидела девушка. Длинные тёмные волосы, бледное лицо, коричневая жилетка поверх кремовой рубашки и такие же коричневые брюки. Она подняла на меня глаза, издали показавшиеся мне светло-кариими, но потом отвернулась и сделала вид, что смотрит в окно. Симпатичная, но слишком строгая и печальная.

Я продолжил тихонько изучать сидящих в кафе. Но мои мысли, да и взгляд, возвращались к этой девушке. Я чувствовал, что она тоже посматривает на меня, хотя старается делать это незаметно. Может быть... это её я жду? Время приближалось к назначенному. Я достал мобильный и позвонил. Девушка за столом чуть нахмурилась, хотя звонка её телефона я не слышал. Она посмотрела на меня и, как будто немного поколебавшись, поднесла трубку к уху.

«Да?»

– Это на вас я сейчас смотрю?

Она кивнула.

Я встал и подошёл к ней.

– Жасмин Гримвуд?

Она кивнула, глядя на меня. Теперь я разглядел, что глаза её – зелёно-карие, как орешник, с длинными ресницами.

– Виктор Легран. Рад познакомиться, – я протянул ей руку. Она пожала её – не очень крепко, но решительно:

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Я сел напротив нее. И, на самом деле, был рад, что она оказалась именно такой. А не яркой птичкой, каких было немало в кафе.

Она чуть улыбнулась, как будто прочитав мои мысли. Но, как бы то ни было, встретились мы по делу, и потому я немного неловко спросил:

– Что Вы знаете об исследованиях профессора Эшби?

Жасмин стала серьёзной:

– Это я у Вас хотела бы спросить.

Мгновение мы напряжённо молчали. Я решил, что так дело не пойдёт, чуть расслабился, вздохнул и сказал:

– Мой отец работал с ним вместе, в его группе. А потом его убили. И я хочу узнать, нет ли тут связи.

Когда я начал говорить, Жасмин как будто тоже слегка расслабилась. Но когда услышала, что мои родители погибли...

– И твой отец тоже... – она сидела, замерев и нахмурившись, глядя в никуда потемневшими глазами. Потом словно очнулась:

– Ой, извините... – она немного смущенно взглянула на меня.

– Ничего, можно на «ты», – я улыбнулся, – Если вы не против.

– Не против, – Жасмин покачала головой.

А мне не терпелось спросить:

– Значит, твой отец...

– Да. Я обещаю, что расскажу свою историю, если ты расскажешь свою, – она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, казалось, так искренне и взволнованно. Да что я теряю?

Я рассказал о том, что случилось со мной и моей семьёй. Но о нашей способности проникать в чужие сны и менять их я не упомянул. Не знал, как лучше это сделать. Да и стоит ли. Жасмин слушала очень внимательно, и иногда мне казалось, что я вижу слёзы в её глазах. Хотя она очень старалась сделать непроницаемый вид.

Потом, чуть нахмурившись, она спросила:

– Но зачем этому человеку нужен был твой отец? И если он был нужен, почему его убили? Если твоего брата похитили – то зачем? Ведь выкуп не просили, да и не у кого было. И почему тебя прятали?

Жасмин чувствовала, что я что-то недоговариваю. Она знала это – я видел по её глазам. И понял, что если я не скажу, то и от неё ничего не добьюсь. А мне важно услышать то, что знает она.

– Понимаешь... – я уткнулся взглядом в стол и стал усиленно изучать его, – наверное, это звучит невероятно... но я, как мой отец и брат... мы можем создавать сны. Как свои, так и чужие. Менять их по своему желанию. Хотя и не всегда это легко дается, – тут я всё же взглянул на Жасмин. Она смотрела на меня застывшим взглядом.

– Сны, – её голос звучал почти как с того света, но вдруг ожил, – Так вы создаёте сны? И можете убивать в них людей?

Не знаю насчёт снов, но таким голосом точно можно убить. И взгляд её был столь же жгучим.

– О чём ты, – я был абсолютно сбит с толку и даже подавлен этой неожиданной горькой злостью. Но почему-то чувствовал себя виноватым. Хотя, вроде, не за что.

– Жасмин, правда... я никогда не убивал людей – ни во сне, ни наяву. И почти на все сто уверен, что мой отец тоже не был способен на такое. И брат... – я хотел заверить её, что и он не мог. Но вдруг подумал, что я ничего о нём не знаю – какой он теперь и чем занимается:

– Про него я ничего не могу сказать, потому что... – голос мой запнулся, ком в горле мешал говорить. Я почувствовал, как её ладонь легла на мою. И от её мягкого тепла мне вдруг стало спокойнее – словно согревающий поток разливался по всему моему телу. Я поднял голову – Жасмин смотрела на меня. И теперь мне показалось, что ее глаза цвета крепкого зеленого чая.

– Я верю тебе. Прости. Я... – Жасмин вдруг убрала ладонь, и мне тут же стало не хватать этого прикосновения.

– Мой отец умер во сне, – сказала она едва слышно, – И я почти наверняка знаю, что... это не само по себе произошло.

Жасмин сидела, обхватив себя руками, и выглядела абсолютно потерянной – так что теперь мне хотелось обнять её. Но для этого мне пришлось бы встать, передвинуть свой стул ближе к ней и... Я не привык обниматься с кем бы то ни было на людях, да и не знал, как Жасмин среагирует на это. А она, опять словно прочитав мои мысли, взглянула на меня и чуть улыбнулась:

– Ничего. Извини. Просто я тоже не привыкла говорить с кем-либо об этом.

Она помолчала немного, и продолжила:

– Мой отец умер двенадцать лет назад. Мне тогда исполнилось десять. И я... я была рядом с ним в ночь его смерти. Мама уехала навестить бабушку, и мы с отцом остались вдвоём. Я проснулась ночью. Что-то разбудило меня. Не знаю... мне показалось, что я слышала стон. Я прислушалась. Было тихо. Но я, всё же, решила проверить, как там отец. Он лежал на постели и явно спал. Лицо его было бледным и лоб – в испарине. Он прерывисто дышал, а глаза его метались под закрытыми веками. Мне стало страшно.

Мне показалось, что ей страшно и сейчас. На мгновение Жасмин взглянула на меня и снова уткнулась взглядом куда-то себе под ноги:

– Я позвала его. Сначала тихонько. Потом громче. Но он не просыпался. Я взяла его за руку – ладонь была чуть тёплой. Я... я чувствовала, что с ним что-то происходит: кто-то вторгся в его сон – кто-то чужой и холодный. Я ощущала страх и отчаяние отца. И закричала. Дёрнула его за руку. Он не очнулся, но рука его выскользнула из моей. Вдруг он вздрогнул и захрипел. Я поняла, что он умирает. Схватила телефон и набрала номер службы спасения.

Жасмин замолчала. В лице её не было ни кровинки, а во взгляде застыла боль – словно она прямо сейчас, в этот момент, переживала всё, что случилось тогда.

Я испуганно склонился к ней через стол, думая, не пора ли и ей вызывать врача – но она подняла на меня глаза и слабо улыбнулась:

– Ничего. Всё в порядке, – она сделала несколько глотков из своей чашки с кофе, – Они приехали быстро. Но отца не спасли. Обширный инфаркт миокарда. Сердце у него... было не очень крепким. И, конечно, всё выглядело как самый заурядный случай. Кто бы поверил моим словам, которые никак нельзя доказать. Кто поверит, что человека со слабым сердцем можно убить во сне созданным для него кошмаром? Только ты.

Жасмин смотрела на меня, сначала немного обвиняюще, но потом взгляд её смягчился, а плечи поникли:

– Прости. Ты ведь тоже потерял семью. И видел гибель отца. Прости.

Она сидела, обхватив ладонями чашку с кофе. Я понял, что она с трудом сдерживает слёзы и что она из тех, кто не любит плакать на людях. Потому я не пытался утешить ее, чтобы не спровоцировать. Лишь сидел молча и ждал. Через несколько мгновений она снова взглянула на меня:

– Но я не переставала думать об этом. Как это могло произойти? Кто виновен в смерти моего отца? Как мне доказать, что это не было случайностью? Когда я училась в колледже, мне попала статья про осознанные сновидения. Я изучила всё, что смогла найти по снам и способам внушения. И всё без толку. Но вот я наткнулась на исследования профессора Эшби по парапсихическим возможностям человека. И наткнулась не где-нибудь, а в бумагах отца. Мой отец был психотерапевтом. Я не помнила, чтобы он упоминал имени Эшби, но, возможно, они были знакомы – отец одно время сотрудничал с Шеридан колледжем.

– Всё сходится на этом Эшби. Но у него, похоже, «крыша поехала», – я закусил губу от досады.

– Да, я от него тоже ничего не смогла добиться. Он казался мне странным: как будто он боится, но сам не знает, чего. Скрывает что-то, что сам не помнит. У него, и правда, какой-то сбой в голове – как будто кто-то в ней покопался, или очень сильно напугал его – так что он не может, не хочет или боится вспомнить, – Жасмин задумчиво крутила прядь волос.

– И это всё ты поняла, поговорив с ним? – я озадаченно смотрел на неё. Меня самого хватило лишь на то, чтобы заметить, что с профессором не всё в порядке.

– Наверное, я тоже яблоко от яблони своего отца, – Жасмин улыбнулась.

– И что нам теперь делать? – я сказал «нам», потому что мы оба уткнулись в одну преграду, амнезию профессора Эшби.

– М-м... Но ведь кто-то ещё должен знать. В исследованиях профессора участвовали несколько человек.

– Доктор Марли сказал, что группа распалась после смерти моего отца. И никаких документов не сохранилось. Что, конечно, подозрительно. Полиция вела расследование. Возможно, что-то осталось в их архивах. Только как нам заглянуть в них?

Жасмин пожала плечами:

– У меня нет таких связей.

– У меня тоже. Но я спрошу... у друзей, на всякий случай.

– Если что-то узнаешь...

– Да, конечно, я сообщу тебе.

Вроде бы, нам больше не о чем было говорить, но... я мучительно искал возможность продолжить разговор. Жасмин сделала это за меня:

– Знаешь... мне кажется, если мы выясним, кто виновен в смерти твоих родителей и куда исчез твой брат... это подскажет мне, как и почему умер мой отец. И потому... я хотела бы помочь тебе в поисках.

Мне сразу стало легче:

– Я, пожалуй, не против. Две головы лучше, чем одна.

Жасмин улыбнулась, и я понял, что мне очень нравится её улыбка.

Мы распрощались, обещая друг другу звонить и вскоре встретиться. Странно, но я чувствовал себя уже не таким одиноким. Мне хотелось действовать. Но я не знал, как. Мои ещё недавние будни теперь казались мне какими-то нереальными – словно они были сном. Я спал тринадцать лет. И вот теперь проснулся. Отец... почему ты не рассказал мне ничего? Или своим друзьям? Как бы я хотел поговорить с тобой. Но даже в своих снах я не решался тревожить умерших. Лишь изредка навещал могилу родителей, избегая такой реальности. Я не любил сны; но получается, что жил, как во сне. Да, мне нужно проснуться. Жасмин показалась мне очень реальной. И я знал, какой шаг мне нужно сделать для возвращения к жизни.

II. Виктор. Брат мой

Я стоял и смотрел на наш старый дом. Для меня он был словно призрак – призрак прошлого, моего детства и гибели нашей семьи. Я не собирался искать тут какие-то улики и свидетельства – слишком много лет прошло. Мне нужно было увидеть это место, осознать его реальность. И хорошо, что в нём теперь жили разные и чужие люди – дом был наполнен жизнью. Несколько лет он стоял заброшенным. Но когда я понял, что не хочу в него возвращаться, Джеффри выставил его на продажу. Сначала никто не хотел покупать дом – после того, что случилось с нами. Цену пришлось снизить, и в итоге его купили под мини-отель. Есть же любители пощекотать себе нервы. Да и история дома была важна только для местных – для приезжих она ничего не значила: семья, жившая тут до них, была им не знакома и потому безразлична.

Если бы я оказался на месте Анри и сбежал из плена – я бы пришёл сюда: это ведь единственный адрес, связанный с прошлым. Никому из прежних соседей не было известно, где я живу теперь. Джеффри оставил им свой адрес, на всякий случай.

Может, зайти? Но мне не хотелось ни объяснять, кто я, ни прикидываться возможным постояльцем в поисках жилья. Вряд ли Анри решил остановиться здесь. Для него было бы невыносимо.

Дом я увидел. Теперь мне нужно повидать родителей.

Кладбище. Не было мне спокойно в этом месте вечного упокоения. Я чувствовал себя виноватым за то, что всё ещё живу. За то, что ничего не могу сделать для тех, кто ушёл. Я жив, а мои родители – мертвы, и брат исчез. Я ничем им не помог.

Смахнув с надгробия листву, я положил к нему цветы и сел на скамью. Отец и мама, они здесь, под землей. Но их нет – в могиле лишь то, что от них осталось. Их нет – и я должен жить без них. Жить, хочу я того или нет.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд. Огляделся: поблизости никого не было. Лишь в сотне метров от меня у другой могилы стояла пожилая женщина. Но она не смотрела в мою сторону. Наверное, показалось. Я помедлил, а затем пошел к выходу. И все же, чувство, что за мной наблюдают, не исчезло.

Когда я вошел под арку ворот, кто-то схватил меня за руку. Вздвогнув, я обернулся: в нише арки, в тени, стоял мужчина. Или молодой человек – я не видел его лица. В джинсах и толстовке с капюшоном, накинута на голову. Он отпустил мою руку, сделал полшага мне на встречу и откинул капюшон. Я ошеломленно рассматривал его. Тонкие черты лица, смугловатая кожа. Темные глаза с длинными ресницами. Длинные волосы собраны в хвост. Эти волосы... выющиеся, каштановые... Я замер. Сердце гулко билось. Я боялся поверить тому, что вижу... И что я вижу? Кого?

– А... Анри? – выдохнул я почти беззвучно.

Но он услышал. Губы его приоткрылись и дрогнули:

– Это ты, да? Всё-таки ты, Виктор?

Я кивнул.

Он судорожно сжал меня в объятьях. А я застыл, боясь проснуться. Едва заставил свои руки шевелиться и тоже обнял его. От брата пахло железной дорогой и пылью, но волосы и одежда были почти чистыми.

– Ты ведь поможешь мне? Спрячешь? – Анри вдруг напрягся, и его пальцы судорожно вцепились в меня, – Мне нужно спрятаться.

Значит, его, действительно, похитили. Он убежал, и теперь похититель ищет его. Я не знал, о ком и о чём речь, но кивнул. А потом и произнёс, поняв, что брат не видит моего кивка:

– Я никому тебя не отдам. Больше никому и никогда. Анри. Я обещаю.

Он чуть отодвинулся и взглянул на меня. Словно хотел увидеть подтверждение моих слов на моём лице. И, видимо, нашёл его. Потому что облегчённо вздохнул и попытался улыбнуться:

– Как хорошо, что ты есть, – улыбка исчезла с его лица так же, как появилась, – Но нам нужно уходить отсюда. Нужно спрятаться.

Я не стал возражать и задавать лишних вопросов. Потом, позже. И просто кивнул:

– Пошли.

Анри следовал за мной, нервно озираясь по сторонам. Когда мы вышли за ворота кладбища, он замер, оглядываясь вокруг. Казалось, взгляд его бегло, но цепко осматривает каждого человека поблизости, каждый подозрительный объект. Наконец он облегчённо вздохнул:

– Куда дальше?

Я указал на свою припаркованную по соседству машину. Анри позволил мне первым подойти к ней, а сам остановился чуть поодаль:

– Распахни все двери и открой багажник. Осмотри её.

Я так и сделал. Никого и ничего лишнего в машине не было. Анри кивнул. Закрыв багажник и двери, я сел за руль. Анри юркнул на заднее сиденье и залёг там. Едва машина тронулась, он спросил:

– Куда мы едем?

– Домой. Туда, где я живу.

– Он найдёт.

– Никто из прежних знакомых, кроме Оливера и Джеффри, не знает моего адреса.

– Кто это? Ты им доверяешь?

– Друзья отца. Теперь они для меня... как семья. Я верю им больше, чем себе.

– Тогда ему доставит особое удовольствие сделать из них твоих врагов.

– Кто бы он ни был... у него не получится, – я был абсолютно в этом уверен.

Анри помолчал, а потом сказал:

– Ты просто не знаешь, на что он способен. Сделать из чёрного – белое, и наоборот – для него ничего не стоит. Чтобы ты проклял всё, что любишь, и возлюбил то, что ненавидишь.

Я не выдержал:

– Да кто он такой?!

– Этьен.

– Но кто он?

– Просто Этьен. Никогда не смотри ему в глаза и не слушай, что он говорит. Это трудно. Но иначе ты пропал. Как пропал я, – в голосе его послышалась истерика.

– Но теперь ты свободен. Ты со мной, и мы что-нибудь придумаем, – я старался говорить спокойно и убедительно.

– Ты, и правда, думаешь, что я свободен?! – Анри резко сел на сиденье и смотрел на меня в зеркало заднего вида, – Ты не понимаешь, что происходит у меня в голове. Не чувствуешь этого, не можешь знать. Чем и кем я был. Что я есть, – он нервно обхватил себя руками.

– Конечно, я не понимаю этого. И не узнаю – если ты мне не расскажешь.

Неожиданно из глаз его потекли слёзы, перешедшие в рыдания. Я спешно припарковал машину на обочине, пересел к нему и обнял.

– Виктор, Виктор. Уходи. Оставь меня. Мне не спастись. Не хочу, чтобы ты тоже... Ведь он захочет тебя. Ты ведь тоже... Проникающий в сны.

– Нет, братишка, не говори глупостей. Мы справимся. Мы что-нибудь придумаем. Вместе.

- Давай уедем, – Анри снова вцепился в меня.
- Хорошо, – я старался говорить как можно спокойнее.
- А брат прямо таки сверлил меня глазами:
- Прямо сейчас.
- Я замолчал, обдумывая.
- Давай завтра? Возьмём вещи и деньги. И... я хочу попрощаться.
- Анри горько покачал головой:
- Завтра может быть поздно. Но ладно. Пусть так.

Я снова сел за руль. И некоторое время мы молчали. Черт, я собирался «проснуться». Но чувствую себя как во сне. Это похоже на сон. Мой брат, вдруг объявившийся сам после стольких лет. Нет, я был рад. Но... до сих пор не верил в происходящее. Я ведь так хотел его найти. И еще менее часа назад пытался сообразить, как. А теперь... вот он, Анри, рядом со мной. И я снова не знаю, что делать. Кто преследует его? И преследует ли? Кто этот Этьен? Могу ли я верить словам Анри? Ведь его психика явно не в порядке. Черт, я думаю, как эгоист. Я должен верить ему. Ведь он мой брат. В этом я не сомневался. Конечно, мы столько лет не виделись. Но уж брата я знаю. Мы же близнецы.

Я взглянул в зеркало: Анри лежал на заднем сиденье. Похоже, он доверяет мне. Хотя, какой у него выбор? Во всяком случае, мы снова вместе. Мы – семья.

Но ведь есть еще Джеффри и Оливер. Сказать им, что Анри вернулся? Они заслуживают того, чтобы знать, и будут рады помочь. Но стоит ли втягивать их? Ведь я даже не знаю, что дальше. Анри говорит, нам нужно уехать. Бежать, скрыться. Но куда? И неплохо бы знать, от кого мы прячемся.

Черт, я почти забыл о Жасмин. Она ведь рассчитывает на меня. Наверное. Но я ее совсем не знаю. И доверять не могу. А жаль. Казалось, у меня есть шанс... устроить личную жизнь. Черт, о чем ты думаешь, Виктор?

Ладно. Понадеюсь, что Анри придет в себя и хоть что-то мне расскажет. Тогда и решим, что делать дальше.

Я припарковал машину возле дома. Анри дождался, пока я открою входную дверь, и быстро проскользнул внутрь. Мы вошли не через мастерскую, а через подъезд, и поднялись на второй этаж к квартире.

- Проверь, не ждут ли тебя там, – Анри указал на дверь.

Я согласно кивнул, подумав, что, в любом случае, в подъезде мы как в ловушке. Я открыл дверь и вошёл. Заглянул в комнаты и ванную. Потом спустился в мастерскую – всё было так, как я оставил, никаких следов присутствия кого бы то ни было. Я вернулся к Анри:

- Вроде, никого нет.
- Он вздохнул:
- Хорошо бы так и было.
- Следом за мной Анри прошёл в комнату и огляделся:
- Ты живёшь один?
- Ага, – я чувствовал, словно меня если не экзаменуют, то изучают.
- Анри обошёл квартиру:
- Небольшая. Много книг. Чем ты занимаешься?
- Переплетчик-реставратор.
- Тихая и спокойная жизнь? – он разглядывал мои вещи, словно в музее.
- Я снова кивнул.
- И вот в неё вторгся я, – тут он остановился и посмотрел на меня, как будто даже с вызо-

вом.

Я растерянно молчал, но не отводил глаз. Чем дальше, тем больше во мне росло чувство вины. Нет, оно всегда было со мной. Но раньше я обвинял себя сам, а теперь это делал мой брат.

– Анри... Что я мог сделать? Я был ребёнком. Полиция искала тебя – я рассказал им всё, что знал.

Его взгляд смягчился, и он кивнул:

– Да, конечно. Прости. Я... – лицо его исказилось, и он бессильно опустился на пол, обхватил руками колени и уткнулся в них лицом. Он как-то весь сжался, как будто хотел спрятаться, отгородиться от чего-то.

Я подошёл и сел рядом с ним. Протянул руку и тихонько коснулся его волос. Анри был похож на дикого испуганного зверя – боишься, что он вскочит и убежит. Или попытается напасть на тебя. Что я мог сказать? Что всё будет хорошо? Я сам не верил в это. Как достучаться до его души – после стольких лет разлуки?

– Я люблю тебя. Ты нужен мне.

Он чуть поднял голову и взглянул на меня исподлобья.

– Зачем?

– Ты мой брат. Брат-близнец. Ближе тебя у меня никого нет.

Он молча смотрел на меня. Потом мягко и печально улыбнулся, выпрямился и сказал:

– Тогда, наверное, ты дашь мне что-нибудь поесть.

Я улыбнулся в ответ:

– Да, конечно. Боюсь, деликатесов у меня нет, но что-нибудь найдётся.

– Что угодно – лишь бы поскорее: я очень голоден.

– Тогда пару тостов и яичницу с сосисками?

Он кивнул.

– Чай? Кофе?

– Чай.

Я отправился на кухню и вскоре услышал, как хлопнула дверь в ванную, а затем и звук льющейся воды. Анри, наверное, понадобится одежда на смену. Засунув хлеб в тостер, кинув сосиски в кастрюльку и разбив на сковородку четыре яйца, я пошёл в спальню, открыл шкаф и достал рубашку, брюки и нижнее бельё. Наверное, Анри будет чуть великовато – он казался тоньше меня; но роста примерно моего, так что, должно сгодиться на первое время. Взяв вещи в охапку, я отнес их брату.

Наш ужин был готов, и я раскладывал всё по тарелкам, когда появился Анри. Моя одежда, действительно, была ему свободна. Но выглядел он посвежевшим и вполне довольным. Его выющиеся волосы не были собраны в хвост и спадали на спину и плечи, доходя почти до лопаток.

– Душ, чистая одежда, горячая еда – я почти счастлив, – Анри улыбнулся.

Я начинал привыкать к перепадам его настроения.

Мы сидели и молча ели, иногда бросая друг на друга взгляды. Казалось, что каждый хотел о чём-то спросить, что-то сказать – но так и не решался. Я уж точно боялся расспрашивать его, хотя вопросы так и вертелись на языке. И ответы были очень важны. Но я подумал, что нужно дать Анри время прийти в себя и успокоиться.

Доев всё без остатка, он заговорил сам:

– Я должен тебе рассказать... Где я был и что делал. Тебе нужно знать. Я... – говорил он так, словно слова застревают у него в глотке, в самом прямом смысле.

– Я... не могу. Не могу сказать! Хочу, но не могу. Чёртов Этьен!!! Наверное, наложил на меня какой-то запрет. Он... – лицо Анри побледнело и покрылось испариной, – умеет вносить.

Глаза его закатились, и он упал бы со стула, если бы я не успел подхватить его. Оттащил на диван. Растерянно соображая, не стоит ли вызвать скорую, я похлопал его по щекам.

К счастью, он открыл глаза, вздохнул и покачал головой:

– Я не могу.

– Ничего, как-нибудь и без того разберёмся, – я улыбнулся, желая приободрить его, – Как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше, – он сел, – Голова кружится. Можно мне воды?

– Конечно, – я сходил на кухню, принёс чашку с водой и протянул её Анри.

Он выпил и как будто успокоился:

– Тебе придётся думать самому. Соедини его дар с нашим.

– Это то, что он делал? – я присел рядом.

Анри кивнул.

– Внушал во сне? Внушал тебе создавать сны?

Анри, молча и не моргая, смотрел на меня.

– Создавать сны для кого-то? Плохие сны?

Без изменений. Тут я вспомнил, о чём мы говорили с Жасмин, о её отце:

– Люди в этих снах... умирали?

Глаза Анри стали совсем тёмными и застывшими, лицо своей неподвижностью напоминало маску. Так что я снова испугался за него.

– Анри, Анри, – я похлопал у него перед носом – он заморгал и ожил:

– Что? Ты что-то сказал?

Я покачал головой. Нужно что-то делать. Наверное, Анри нужна помощь психолога или психотерапевта. Кого-то мне напоминало его поведение. Профессора Эшби, с его странной нервной потерей памяти.

– Послушай, кем бы он ни был – он не может найти нас так быстро. Этот адрес знают только Джеффри и Оливер.

– Он может знать о них – из моих воспоминаний, – Анри рассеянно смотрел на меня.

– Всё равно, ему потребуется время, чтобы найти их. А потом как-то выведать, где я живу.

– Квартира – твоя собственность?

– Нет, съёмная.

– Это усложняет поиск. Но всё равно, наверняка есть списки арендаторов.

– Может быть. Всё равно, это не так быстро. Думаю, день-два мы здесь в безопасности.

Анри посмотрел на меня уставшим взглядом:

– Я везде в опасности, пока нужен Этьену. А я буду нужен ему, пока жив. Или пока жив он. И как только он узнает, что ты жив-здоров и умеешь создавать сны – он захочет и тебя прибрать к рукам.

Я вздохнул:

– Ладно, давай доживём до утра, а там что-то решим – «утро вечера мудренее». Выспаться не помешает в любом случае.

– Выспаться?! – голос Анри дрожал, – Нет уж. Я, пожалуй, сегодня не буду спать, – он нервно улыбнулся.

Я непонимающе смотрел на него.

– Он придёт за мной, – Анри снова весь сжался, – вернее... я сам приведу его. В свой сон.

– Но зачем??

– Такая программа в моей голове!!! Ты не понимаешь. Я его проводник в мир снов! Я... марионетка. А он – кукловод, – сейчас Анри, и правда, был похож на сломанную игрушку: поникшие руки и плечи, застывшие глаза.

– Но ты сбежал. Ты нашёл меня. Ты смог рассказать. А значит, можешь делать не только то, что он тебя заставляет.

Анри задумался и кивнул:

– Где-то он допустил ошибку. Ослабил бдительность. Был уверен, что я полностью в его власти. А оказалось, что нет. Недавно... я вспомнил... своё детство, и как меня похитили. Мне удалось скрыть это от Этьена. Наверное, он считал, что после стольких лет моя память уже не восстановится, и нет особой нужды держать меня под замком. Но долго обманывать его мне бы не удалось – и я сбежал при первой возможности. Я мечтал вернуться домой: найти родителей, тебя, – Анри чуть улыбнулся, мягко и грустно.

Но улыбка тут же исчезла, и он покачал головой:

– Теперь я понимаю, что нужно было бежать куда угодно, только не сюда. Здесь он найдёт меня. Я старался не спать в пути – чтобы не останавливаться, не тратить время и не быть совсем беззащитным. Но вчера я, всё же, заснул.

Лицо его дрогнуло:

– И Этьен был в моём сне. Я понимаю, что сам привёл его – как иначе он смог. Он сказал, чтобы я возвращался. Что он всё равно найдёт меня. Что мы связаны, и эту связь никто не может разорвать.

– Но теперь я с тобой, – я взял его за руку, – И буду охранять тебя в твоём сне. Ты же не можешь не спать вечно.

– Не могу, – он устало покачал головой, – рано или поздно я засну. И сны мои будут принадлежать ему.

– Мы найдём, как прервать эту связь. В конце концов, мы оба можем управлять снами. И придумаем, как избавиться от него.

Анри смотрел на меня, словно пытаюсь понять: действительно ли я думаю то, что говорю. Потом кивнул:

– Давай попробуем. Кроме этих пут мне нечего терять. Как хорошо, что мы снова вместе, – он улыбнулся, но тут же вновь стал печально серьёзным, – Прости, что подставил тебя под удар.

– Даже не думай об этом. Это самое малое, что я могу для тебя сделать. Анри... Я... – слов не нашлось, и я просто обнял его.

Это же мой брат, ближе него у меня никого нет. И пусть мы не виделись столько лет – мы семья. Я нужен ему. И я буду его защищать.

– Не бойся, – я чуть отодвинулся от него, – Засыпай спокойно. Я тоже усну. И буду в твоём сне. Я буду рядом с тобой, Анри – во снах и наяву.

Он улыбнулся:

– Ты настоящий старший брат.

Несмотря на все волнения и опасения, Анри заснул быстро. Видимо, это у нас семейное – мы легко погружались в сон по своему желанию. Я лёг рядом и, засыпая, нащупывал дорожку в его сновидение.

Анри сидел на холме, густо заросшем травой. Волосы его трепетали на ветру, так же как и трава.

– Это место, я помню его, – он оглядывался по сторонам, – Оно же реально существует? Мне было хорошо здесь.

– Да, это похоже на холм рядом с именем Джеффри, – я стоял рядом и смотрел на него, – Мы часто гуляли тут в детстве.

Анри откинулся на спину и подложил руки под голову. Улыбаясь, он смотрел в небо:

– Хорошо бы вернуться в прошлое. Или хотя бы... остаться навсегда здесь. Где тихо, спокойно и лишь трава и ветер.

Я молчал. Мне тоже было знакомо желание остаться во снах. Ты можешь быть где угодно и кем угодно. И даже с кем – хотя бы отчасти.

– Жаль нарушать идиллию. Но Анри, дорогой мой, ты бы умер с тоски.

Голос, вязкий и липкий, как мёд. Как мёд с привкусом полыни. Я понял, кто это. Но почему-то не спешил оборачиваться. Я взглянул на Анри: его словно парализовало, в глазах был ужас. Ужас и обречённость. Но нет, этого я не позволю. Я обернулся.

В нескольких шагах от нас стоял мужчина одного роста со мной: густые светлые волосы, голубые глаза – холодные, пронзительные.

– Не смотри на него! И не слушай! – Анри дёрнул меня за руку.

– О-о, Анри, ты преувеличиваешь мои способности. Кто твой друг? – в голосе читалась мягкая улыбка; так и хотелось посмотреть на его обладателя, – Хотя... можешь не отвечать. Я знаю. Ты более чем предсказуем, Анри. Вы похожи. И кто ещё мог быть здесь с тобой на равных. Ты привёл его ко мне, да? Ты нашёл его для меня.

– Нет!!! – Анри яростно обернулся, – Я не собирался приводить его к тебе. И не смей его трогать!

– М-м... Обещаю подумать над этим, если ты вернёшься. Когда ты вернёшься.

– Я не вернусь. Никогда! Ты слышал? Убирайся!

– Он не вернётся, – меня самого удивило собственное спокойствие. Но ведь это всего лишь сон, разве нет?

Теперь Этьен смотрел на меня. Он рассматривал, склонив голову на бок и чуть улыбаясь:

– Ты действительно выглядишь так, как сейчас? М-м... неплохо. Но Анри красивее. Намного. А вот как насчёт таланта?

– Ты убил наших родителей, похитил моего брата. И причастен к смерти других людей. Ты должен сидеть в тюрьме, в психушке или вовсе... сдохнуть. И я постараюсь, чтобы так оно и вышло.

– Вот как? – из его голоса исчезла мягкость, как и улыбка с лица, – Мой маленький Виктор. Что ж, давай поиграем. Это будет забавно. И твоя ставка, сдаётся мне, больше, чем моя.

Этьен повернулся к Анри, и голос его снова стал обволакивающе мягким:

– Я жду тебя, мой дорогой.

Анри покачал головой, не в силах что-то произнести.

– Тогда я приду сам. И заберу тебя и его.

– Нет! – во взгляде Анри ненависть мешалась с отчаянием.

– Ты же знаешь, тебе будет лучше со мной. Ты не сможешь без меня.

– Он не вернётся, – чёрт, и почему я не мог сказать ничего другого.

– Вернётся, – Этьен мягко улыбнулся, – если не хочет сойти с ума.

Злость, казалось, заполнила меня всего. Я хотел обрушить мироздание на этого ублюдка. Пусть провалится в тартарары!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.